

Litera

Правильная ссылка на статью:

Люй С. — Концептуальная пара «Жизнь» и «Смерть» в китайской языковой картине мира: экспланация значений прецедентных текстов для представителей русской лингвокультуры // Litera. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.10.48476 EDN: ZNTHWY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=48476

Концептуальная пара «Жизнь» и «Смерть» в китайской языковой картине мира: экспланация значений прецедентных текстов для представителей русской лингвокультуры

Люй Сыци

ORCID: 0009-0006-1082-745X

Аспирант, Кафедра русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ lvsiqi@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.10.48476

EDN:

ZNTHWY

Дата направления статьи в редакцию:

01-10-2023

Дата публикации:

08-10-2023

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу концептуальной пары «Жизнь» и «Смерть» в китайской языковой картине мира. Актуальность настоящего исследования обусловлена возрастающей потребностью успешной межкультурной кооперации между представителями китайской и русской культур. В силу объективных экстралингвистических факторов между Китаем и Россией происходит интенсивный взаимообмен знаниями. Усиливается поток китайских студентов в Россию; в процессе обучения они заинтересованы не столько в том, чтобы усвоить функционирование русской языковой системы, сколько в том, чтобы понять «русский мир». Этот процесс может быть затруднен в силу несовпадения исходной и постигаемой культур. Цель настоящей работы – исследование концептуального комплекса «Жизнь – Смерть», реализованного в китайской языковой картине мира, на базе прецедентных текстов,

широко известных реципиентам. Предмет исследования – дифференциальные признаки концептуальной диады, выявляемые в процессе анализа. Материалом работы послужили прецедентные тексты, в частности, поэтические и паремиологические единицы, содержащие лексический компонент «Жизнь» и «Смерть» в китайском языке. Методы исследования: дескриптивный метод, концептуальный анализ, метод лингвокультурологического комментирования, контекстуальный анализ, анкетирование. Результаты. Анализ показал, что в системе социальных отношений роль каждого человека определена ему с рождения. Жизнь должна быть прожита достойно; в этом случае память о благородных деяниях человека позволит ему избежать «социальной смерти». Смерть в китайской ЯКМ – обратная сторона жизни; горем и утратой она становится только в том случае, если индивиду не удалось воплотить в жизнь своих лучших качеств. В определенном смысле жизнь для носителей китайского языкового сознания – это нравственный подвиг. Рассмотренные нами параметры китайской ЯКМ составляют тот фонд знаний, который позволит нам приступить к осмыслению русской ЯКМ либо путем «сличения» ментальных пространств, либо путем элиминирования лакун.

Ключевые слова:

лингвокультурология, языковая картина мира, концепт, концептуальная пара, китайская лингвокультура, прецедентный текст, ассоциативный эксперимент, ценности, эталон, экспланация

Введение

Базовой единицей лингвокультурологии является культурный концепт – «ячейка ментальности», «квант смысла», составляющий основу нашего внутреннего тезауруса. Концепт – одновременно индивидуальный и надывидикулярный феномен. В отличие от понятия, он чувственно «маркирован», эмотивен, архетипичен. Анализ тех или иных концептов – это реконструкция сущностных смыслов, необходимых для приобщения к определенной культуре. Таким образом, концепты – это своего рода ключи к культуре.

Языковое сознание в совокупности всех своих специфических признаков – феномен «неизмеримый». В отличие от языкового сознания, когнитивная база – тот обязательный фонд знаний, который формируется в процессе инкультурации личности (то есть вхождения индивида в родную культуру), а потому является для носителей лингвокультуры общим. Прецедентные тексты различного уровня – обязательные форманты когнитивной базы. Это элементы «редуцированной» природы, общее значение которых, согласно Ю.Н. Караулову ^[1], разворачивается в определенном контексте. К прецедентным текстам относятся те языковые единицы, которые языковая личность воспринимает как уже известные (это и отдельные тексты, и имена, и ситуации). В настоящем исследовании мы сосредоточились на поэтических текстах и поговорках. Для обоих типов ПТ характерна афористичность, емкость, концентрация смысла и потенциал к ретрансляции, что позволяет нам дифференцировать на их базе устойчивые признаки изучаемых концептов.

Некоторые из выбранных нами единиц прецедентного уровня нельзя отнести к широко ретранслируемым; их иллюстративный потенциал и исследовательская ценность заключаются для нас в концептуализации изучаемых феноменов в индивидуальном языковом сознании. Таким образом, мы приходим к двум уровням анализа концепта: индивидуальному и коллективному. Каждый из этих уровней способен предоставить нам

дополнительный набор дифференциальных признаков, участвующих в формировании конструкта «Жизнь-Смерть». Отметим также, что на уровне описания концепта – той ментальной сущности, которая составляет базовый элемент сознания – мы склонны употреблять термин «конструкт» как вербализованное концептуальное знание, модель описания, апеллируя к теории концепта, разработанной А.А. Залевской [2].

Наша базовая установка в выборе анализируемого материала сводится к широкому подходу к пониманию феномена прецедентности. Если по мысли Ю.Н. Караулова прецедентный текст – это высказывание, которое активно присутствует в конституции самой ЯЛ, то мы хотели бы уточнить, что прецедентен любой феномен, наличествующий в метатексте самой лингвокультуры. Такой текст может обладать сниженным потенциалом к ретранслируемости, однако в контексте определенных речевых ситуаций он может быть извлечен из корпуса текстов и приспособлен к определенным нуждам говорящего. Таким образом, ПТ уже включен в некий глобальный интертекст как парадигму, и его актуализация интенционально обусловлена. С точки зрения данного подхода к ПТ правомерно отнести поэтические тексты, зафиксированные в корпусе языка, и паремиологические единицы. Первые мы можем рассматривать как индивидуальные репрезентации исследуемых концептов, вторые – как базу для экспликации узусных значений.

Результаты и обсуждение

XXI век ознаменовался в науке сменой научных парадигм (Т. Кун): «тектонический сдвиг» затронул все области научного знания, в том числе филологию. Имманентный подход к языку, в рамках которого он изучался как «*causa sui*», сменился на антропоцентрический вектор, где точкой отсчета стал Человек как сложный феномен со своими биологическими, когнитивными, поведенческими, социальными, культурными настройками. Как отмечает Е.С. Кубрякова [3] для филологии нового времени (заметим, что «смерть чистой лингвистики» была провозглашена еще в конце XX века) характерны такие тенденции, как междисциплинарность, экспланаторность и неофункционализм.

Междисциплинарность мы выделяем особо. Синергетическое слияние концептуальных полей нескольких дисциплин, исследующих общий объект, дало импульс к возникновению и развитию целого ряда наук «смежного типа»: психолингвистики, лингвокультурологии, политической лингвистики, транслингвального литературоведения и многих других.

В диахроническом аспекте такие науки, как лингвокультурология, еще только в начале пути своего становления. Активно разрабатывается их концептуальное поле; формируется терминологический тезаурус, способный обслуживать новую область знания; апробируются различные методы исследования.

Становление лингвокультурологии (как и других наук, «произрастающих» из нескольких концептуальных полей) обусловлено установкой антропоцентрической парадигмы на холизм – принцип единства, способствующий констелляции различных (зачастую гетерогенных) областей научного знания. Под действием этой тенденции (которая обозначилась во второй половине XX века) многие исследователи преодолевают монодисциплинарный подход к изучаемому объекту.

Следует признать, что замкнутость каждой гуманитарной дисциплины в пределах «самой себя» не дает нам тех результатов, которые были бы релевантны потребностям современного общества. По мнению У.М. Бахтиреевой [4:11] у субъекта, вписанного в

«новую архитектуру мира», появились принципиально иные гносеологические основания, требующие продуцирования новых знаний. Примечательно, что холистический принцип распространяется не только на «гомогенные» науки (например, гуманитарного цикла), но и на объединение гуманитарного и естественнонаучного знания.

Среди дефиниций, предложенных исследователями для выявления языковых феноменов, обладающих ярко выраженным культурным компонентом («лингвокультурема», «логоэпистема», «культурный концепт») мы остановимся на культурном концепте. О предпосылках наших методологических установок мы расскажем подробнее по ходу работы. Сейчас нам важно очертить то концептуальное поле, внутри которого проводится настоящее исследование, с учетом его эпистемологической сложности. Откуда эта сложность?

В первую очередь, она обусловлена тем, что язык и культура – два базовых феномена, находящиеся в центре гносеологического поиска лингвокультурологии – неизменно требуют привлечения иных подходов и дополнительного фонда знаний. Это данные когнитивной лингвистики, так как мы имеем дело с пропозициями языкового сознания, овнешняемыми средствами языка; это философия и герменевтика, потому что каждый концепт нуждается в экспликации заложенных в нем импликатур, а также в создании адекватного «поля смысла», вертикального контекста, благодаря которому дешифровка смыслов становится возможной; это теория межкультурной коммуникации, принципы которой способны содействовать кооперации между представителями различных лингвокультурных сообществ.

В рамках лингвокультурологического подхода лингвисты, как правило, анализируют явления языка, имеющие национально-культурную специфику. По такому принципу построены труды А. Вежбицкой [\[5\]](#), А.С. Герда [\[6\]](#), Ю.А. Сорокина и И.Ю. Марковиной [\[7\]](#), С.Г. Тер-Минасовой [\[8\]](#).

Каждый этнос на протяжении своей истории формирует систему фундаментальных образов мира, которые зависят от особенностей существования, специфики культуры и этнопсихологии. Эти образы амбивалентны: они являются достоянием как индивида, так и всего коллектива, они, с одной стороны, осознаваемы, с другой – бессознательны.

Концепты, существующие в культуре на протяжении «большого» исторического времени, называют константами – это фундаментальные единицы языкового и культурного поля этноса, базисные феномены ЯКМ. Закономерно, что к константам относится и концепт-антиномия «ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ». Это закономерно: концепты «жизнь» и «смерть», их анализ и изучение, были и остаются предметом интереса для человечества на протяжении всего его существования, а в последнее время интерпретация этих концептов приобрела очевидную актуальность. Темы рождения и смерти всегда требовали особого внимания: испокон веков люди стремились проникнуть в тайну этих явлений, осознать их смысл, понять их значимость для человека и общества, определить их место на оценочной шкале культуры. Знание того, кто мы по своей сути и что будет с нами после смерти, тесно связано с такими важными понятиями, как смысл жизни, конец или вечность существования. Традиционная китайская культура не разработала каких-либо идей бессмертия души, сопоставимых с христианскими. В то же время и жизнь, и её долголетие, даже бессмертие всегда являлись одними из самых важных ценностей китайской культуры.

Сейчас мы попытаемся погрузиться в уникальное мироощущение китайского народа, который осмысляет категории жизни и смерти особым образом, отличным от

европейского модуса восприятия. Китайская культура антропоцентрична. В ее центре находится человек – но не как обособленный индивид, изолированный от общества, а как элемент гармонизированного миропорядка, имеющий непосредственную связь со всем сущим.

Жизнь человека – это постепенное «собрание», обживание и освоение пространства. Китайцы в определенном смысле руководствуются наивной картиной мира. Они полагают, что небытие есть название начала неба и земли, а бытие – название матери «десяти тысяч вещей». Среди этих «десяти тысяч вещей» особое место принадлежит человеку – буквально «человековещи», обладающей Разумом и потому стоящей над прочим объектным миром. Пространство, согласно мифологическим воззрениям китайцев, было «собрано воедино»: об этом рассказывает миф о Паньгу и Нюйве.

Жизнь есть бытие во времени. В китайской культуре время неразделимо с категорией пространства; оно подобно тропинке в прошлое, которая протоптана всем человеческим родом, и в этом отношении ретроспективно и релятивизируется движением человека на пути жизни. Идущие впереди уходят в прошлое, наблюдающий в моменте тут-бытия обращен к прошлому лицом. Одно поколение сменяет другое, следующее за ним. Этот процесс объективирован выражением «волна позади подталкивает волну впереди». «Историческая модель времени у китайцев повернута в другом направлении. Спереди находится пройденный путь предков, на который обращен взор китайца. Будущее, следовательно, лежит вне поля его зрения. Китайцы рациональны в своем мышлении, благодаря аморфности и дискретности знаковой системы в отношении как формы, так и звучания. Поэтому их семантическая система отличается высокой степенью прагматизма, выражающегося в избирательности маркировки [\[9\]](#).

Человек в китайской культуре – единственное существо, обладающее активным началом: он может занимать любое положение в пространстве по своему усмотрению. Все остальное бытийствует «само по себе» либо так, как определено человеком.

Жизнь человека неизменно регулируется системой этических норм: «Да сюэ», «Чжунъюн», «Лунъюй», «Мэнцзы». Это принципы жизни, восходящие к Четверокнижию. Они определяют поведение людей, их обязанности, и детерминированы двумя признаками: возраста и субординации. Жизнь, согласно Четверокнижию, есть бесконечный путь самосовершенствования. Любой член общества должен пройти все стадии становления «благородного мужа», включающие

- ge wu (понимание архитектоники мироздания и умение классифицировать объекты действительности);
- zhi zhi (стремление к познанию и самопознанию);
- cheng xin (воспитание в себе высших нравственных качеств, «искренности сердца»);
- xiu shen (самосовершенствование, ведущее к единству в семье, порядку в государстве и умиротворению).

Junzi – благородный муж – является этическим героем в китайской национальной картине мира. Его прямой антипод – xiao ren (буквально «мелкая душа»), человек, нарушающий принципы морали и этики.

Благородный муж наделен добродетелями, он идет «путем золотой середины», обеспечивая гармонию в обществе и природе. «Мелкая душа» следует по пути «выгоды».

Junzi не злоупотребляет своим положением: он полагает, что должен ценить дары жизни, которую следует воспринимать путем «середины и гармонии». Xiao ren по натуре дерзок, не довольствуется малым, не воспринимает запретов и нарушает порядок вещей. Модель этического идеала китайцев – sheng ren, «совершенного мудреца» – воплощена в личности Конфуция. Материалом для анализа послужил корпус прецедентных текстов. Для выявления узусуальных значений концепта целесообразно использовать паремиологический фонд языка. Однако не менее значимые результаты способны предоставить индивидуально-авторские дефиниции ядерных лексем, в частности, поэтические тексты. Экспликация концептуальной семантики на базе корпуса текстов – актуальное поле междисциплинарных исследований; они маркируют тот уровень актуального прагматикона языковой личности, который участвует в формировании целостной ЯКМ этноса [\[10; 11; 12\]](#).

Элементы прецедентных текстов в силу устойчивого вхождения в когнитивную базу носителей языкового сознания и «твердой формы» наиболее близки паремиологическим единицам.

Автором исследования проведен ассоциативный эксперимент с референтной группой Хайнаньского университета. Словами-стимулами послужили лексемы «жизнь» и «смерть», на которые студентам было предложено дать соответствующий прецедентный текст в качестве реакции. Наиболее частотными текстами выступили следующие:

- 生死有命, 富贵在天。— «Жизнь и смерть предопределены, а богатство даруется небесами».
- 宁愿站着死, 不愿跪着生。— «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях».
- 死者倘不埋在活人的心中, 那就真真死掉了。——【近代】鲁迅《华盖集》— «Мёртвые действительно мёртвы, если они погребены в сердцах живых».
- 如果能快乐的归去, 死亡就不能杀人, 反而是人杀掉了死亡。——【现代】林清玄《境明, 千里皆明》- «Если человек может умереть счастливо, человек преодолевает смерть».
- 死亡不是失去生命, 而是走出时间。-【现代】余华《活着》- «Смерть - это не потеря жизни, а выход из царства времени».
- 死亡是一枚沉重而干净的果实, 我们吃下去, 医治太多活着的病症。-【现代】余秀华《我们爱过又忘记》- «Смерть – тяжелый и чистый плод, который мы едим, чтобы исцелить слишком много недугов жизни».
- 生者为过客, 死者为归人。-【唐】李白《拟古十二首》- «Живые подобны прохожим, которые приходят и уходят в спешке, а мертвые подобны тем, кто идет к месту назначения и никогда не возвращается».

生命如流水, 只有在他的急流与奔向前去的时候, 才美丽, 才有意义。【近代】张闻天 – «Жизнь подобна текущей воде, она прекрасна и имеет смысл только тогда, когда течет и бежит вперед».

Как мы отмечали выше, язык – не оболочка мысли, но деятельность духа. По мысли Язык необходимо изучать и как силу «в действии», трансформирующую реальность, и как знаковую систему, хранящую в себе архетипические рудименты в современной картине мира. Язык интерпретирует мысль, но вместе с тем генерирует ее чувственные и ассоциативные первосмыслы, обогащая ценностное пространство самой культуры.

Отметим, что концепт «жизнь» в китайской ЯКМ есть следование срединному пути,

которая основана на следующих скриптах (предписания):

- гармония Поднебесной не должна быть нарушена, поэтому следует сдерживать проявления сильных эмоций;
- необходимо знать свое место, чтобы не нарушить установленного порядка вещей;
- нужно избегать навязывания другим того, что не нравится тебе самому;
- занимая низкую позицию в социальной иерархии, не стоит искать расположения тех, кто «наверху»;
- относиться к жизни нужно как к постоянному самосовершенствованию, не жалуясь на судьбу и не виня других в собственных неудачах;
- жизнь следует рассматривать как процесс познания, повторяя при этом пройденное (эмпирически и гносеологически);
- своего часа надлежит ожидать со спокойствием и достоинством, не «ввязываясь в авантюры»;
- свои идеи можно высказывать лишь в спокойные для государства времена; в смутные времена следует хранить молчание;
- не стоит открыто демонстрировать собственных достоинств: все скрытое становится явным;
- надеяние стоит воспринимать как «высшее действие».

«Жизнь» в китайской ЯКМ есть следование срединному пути, которая основана на следующих скриптах (предписаниях): избегай сильных эмоций, так как они нарушают гармонию миропорядка; знай свое место в сложившейся социальной иерархии; избегай навязывать другим то, что неприемлемо для тебя; самосовершенствуйся, не жалуясь на судьбу; находишься в постоянном познании этого мира; не демонстрируй достоинств; смиренно жди своего часа.

Жизнь в китайской лингвокультуре тесно связана с идеей судьбы. Анализ прецедентных единиц китайского языка позволил нам дифференцировать ряд семантических компонентов указанного концепта. Это опорные элементы концепта «небо», «путь», «жизнь», «человек», «справедливость», «событие», «следовать», «подчиняться», «жить», «умирать», «добро», «зло», «воздаяние», «справедливость». С одной стороны, семантика концепта «судьба» апеллирует к идее предопределенности, с другой – движения и перемен.

Семантические компоненты концептуального поля судьбы позволяют нам реконструировать трехчленную схему, в которую входит каузатор – небо, объект каузации – человек (в совокупности сем «тело» и «дела»), состояние – судьба. Судьба понимается как совокупность составляющих, среди которых протяженность человеческой жизни; социальный статус человека; происходящие с индивидуумом события; состояние дел в результате воздействия дао – пути высших сил.

Выводы

Концепт-диада «Жизнь-Смерть» занимает в китайской языковой картине мира особое место. Это концепт-аксиологема, расположенный на высшем уровне ценностной шкалы. Семантическое поле концепта многообразно; в его ядре расположен человек в системе

взаимоотношений с Высшим («Небо») и интрасоциальным («Общество»). Жизнь человека представляет собой великий срединный путь (дао), подчиненный закону гармоничного продвижения вперед. Отклоняться от этого пути нецелесообразно; его назначение – воспитание в себе черт и характеристик «благородного мужа», который руководствуется принципами гуманности, почтительности, готовности к бесконечному познанию. «Благородный муж» – эталон аксиологической системы китайской ЯКМ, как и «совершенный мудрец».

Жизнь человека – это движение (заметим, что движение, как мы установили в процессе анализа идиоматических выражений, должно быть поступательным). Однако и оно подчинено законам высшего порядка – законам судьбы. Человек в аспекте провиденциальности достаточно пассивен: в отличие от русской ЯКМ, он не должен выступать «кузнецом своего счастья», идя наперекор предначертанному. В системе социальных отношений роль каждого человека определена ему с рождения. Жизнь должна быть прожита достойно; в этом случае память о благородных деяниях человека позволит ему избежать «социальной смерти». Смерть в китайской ЯКМ – обратная сторона жизни; горем и утратой она становится только в том случае, если индивиду не удалось воплотить в жизнь своих лучших качеств. На уровне соматической кодификации жизнь человека коррелирует с концептом «сердце», который выступает локализатором человеческой души.

В определенном смысле жизнь для носителей китайского языкового сознания – это нравственный подвиг, требующий самовоспитания.

Рассмотренные нами параметры китайской ЯКМ составил тот фонд знаний, который позволил нам приступить к осмыслению русской ЯКМ либо путем «сличения» ментальных пространств, либо путем элиминирования лакун.

Библиография

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
2. Залевская А.А. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 546 с.
3. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Актуальные проблемы современной лингвистики. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 46 – 59.
4. Бахтикиреева У.М. Феномен Георгия Дмитриевича Гачева // Национальные образы мира в художественной культуре. Материалы международной конференции. Нальчик, 2015. С.10–15.
5. Вежицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011.
6. Герд А.С. Введение в этнолингвистику. Санкт-Петербург, 1995.
7. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Культура и ее этнопсихолингвистическая ценность // Этнопсихолингвистика. М.: Наука, 1988. С. 5–18.
8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000. 264 с.
9. Тань Аошуан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004. 240 с.
10. Ремчукова Е.Н., Кузьмина Л.А. «Прецедентный мир» Ф.М. Достоевского в социокультурном и «игровом поле» современных медиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022.

- Т. 13. №1. С. 45-67. doi: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-45-
11. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. М.: Гнозис, 2002. 284с.
12. Уфимцева Н.В., Балясникова О.В. Национальное самосознание и ассоциативно-вербальная сеть: об одной гипотезе Ю.Н. Караулова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. №2. С. 238-254. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-238-25

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования рецензируемой статьи является концептуальная пара «ЖИЗНЬ» и «СМЕРТЬ» в китайской языке. Как отмечает автор, «Базовой единицей лингвокультурологии является культурный концепт – «ячейка ментальности», «квант смысла», составляющий основу нашего внутреннего тезауруса. Концепт – одновременно индивидуальный и надиндивидуальный феномен. В отличие от понятия, он чувственно «маркирован», эмотивен, архетипичен. Анализ тех или иных концептов – это реконструкция сущностных смыслов, необходимых для приобщения к определенной культуре. Таким образом, концепты – это своего рода ключи к культуре». Действительно, это так, следовательно, исследование в рамках данной методологии может быть достаточно продуктивным и интересным. Работа грамотно выстроена, текст информативен, точка зрения автора объективна. Удачно совмещаются в статье практический и теоретический уровни: «некоторые из выбранных нами единиц прецедентного уровня нельзя отнести к широко ретранслируемым; их иллюстративный потенциал и исследовательская ценность заключаются для нас в концептуализации изучаемых феноменов в индивидуальном языковом сознании. Таким образом, мы приходим к двум уровням анализа концепта: индивидуальному и коллективному. Каждый из этих уровней способен предоставить нам дополнительный набор дифференциальных признаков, участвующих в формировании конструкта «Жизнь-Смерть». Некоторые из выбранных нами единиц прецедентного уровня нельзя отнести к широко ретранслируемым; их иллюстративный потенциал и исследовательская ценность заключаются для нас в концептуализации изучаемых феноменов в индивидуальном языковом сознании. Таким образом, мы приходим к двум уровням анализа концепта: индивидуальному и коллективному. Каждый из этих уровней способен предоставить нам дополнительный набор дифференциальных признаков, участвующих в формировании конструкта «Жизнь-Смерть». Ссылки на авторитетны имена исследователей говорят о качественной обработке информации: «наша базовая установка в выборе анализируемого материала сводится к широкому подходу к пониманию феномена прецедентности. Если по мысли Ю.Н. Караулова прецедентный текст – это высказывание, которое активно присутствует в конституции самой ЯЛ, то мы хотели бы уточнить, что прецедентен любой феномен, наличествующий в метатексте самой лингвокультуры». Удачно дробиться текст на т.н. смысловые части, это упрощает воспринимать информацию, следить за логикой развития мыслей. Основные требования издания учтены, тема соотносится с одной из магистралей журнала, таким образом, параметры выдержаны в рамках допустимого. Стиль сочинения соотносится с собственно научным типом: например, это проявляется в следующих фрагментах: «XXI век ознаменовался в науке сменой научных парадигм (Т. Кун): «тектонический сдвиг»

затронул все области научного знания, в том числе филологию. Имманентный подход к языку, в рамках которого он изучался как «*causa sui*», сменился на антропоцентрический вектор, где точкой отсчета стал Человек как сложный феномен со своими биологическими, когнитивными, поведенческими, социальными, культурными настройками. Как отмечает Е.С. Кубрякова для филологии нового времени (заметим, что «смерть чистой лингвистики» была провозглашена еще в конце XX века) характерны такие тенденции, как междисциплинарность, экспланаторность и неофункционализм», или «в диахроническом аспекте такие науки, как лингвокультурология, еще только в начале пути своего становления. Активно разрабатывается их концептуальное поле; формируется терминологический тезаурус, способный обслуживать новую область знания; апробируются различные методы исследования. Становление лингвокультурологии (как и других наук, «произрастающих» из нескольких концептуальных полей) обусловлено установкой антропоцентрической парадигмы на холизм – принцип единства, способствующий констелляции различных (зачастую гетерогенных) областей научного знания. Под действием этой тенденции (которая обозначилась во второй половине XX века) многие исследователи преодолевают монодисциплинарный подход к изучаемому объекту» и т.д. Анализ вопроса сделан достаточно подобно, серьезных разночтений не выявлено, фактические неточности нивелированы. Оценочные рассуждения по ходу работы не вызывают нареканий: «жизнь человека – это постепенное «собрание», обживание и освоение пространства. Китайцы в определенном смысле руководствуются наивной картиной мира. Они полагают, что небытие есть название начала неба и земли, а бытие – название матери «десяти тысяч вещей». Среди этих «десяти тысяч вещей» особое место принадлежит человеку – буквально «человековещи», обладающей Разумом и потому стоящей над прочим объектным миром. Пространство, согласно мифологическим воззрениям китайцев, было «собрано воедино»: об этом рассказывает миф о Паньгу и Нюйве». Сопоставительный принцип анализа распространен на всю работу: «жизнь человека неизменно регулируется системой этических норм: «Да сюэ», «Чжуньюн», «Луньйю», «Мэнцзы». Это принципы жизни, восходящие к Четверокнижию. Они определяют поведение людей, их обязанности, и детерминированы двумя признаками: возраста и субординации. Жизнь, согласно Четверокнижию, есть бесконечный путь самосовершенствования. Любой член общества должен пройти все стадии становления «благородного мужа», включающие: - *ge wu* (понимание архитектоники мироздания и умение классифицировать объекты действительности); - *zhi zhi* (стремление к познанию и самопознанию); - *cheng xin* (воспитание в себе высших нравственных качеств, «искренности сердца»); - *xiu shen* (самосовершенствование, ведущее к единству в семье, порядку в государстве и умиротворению). *Junzi* – благородный муж – является этическим героем в китайской национальной картине мира. Его прямой антипод – *xiao ren* (буквально «мелкая душа»), человек, нарушающий принципы морали и этики...» и т.д. Иллюстративный фон объемов: «автором исследования проведен ассоциативный эксперимент с референтной группой Хайнаньского университета. Словами-стимулами послужили лексемы «жизнь» и «смерть», на которые студентам было предложено дать соответствующий прецедентный текст в качестве реакции. Наиболее частотными текстами выступили следующие: - 生死有命,富贵在天。— «Жизнь и смерть предопределены, а богатство даруется небесами». - 宁愿站着死,不愿跪着生。— «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». - 死者倘不埋在活人的心中,那就真真死掉了。——【近代】鲁迅《华盖集》— «Мёртвые действительно мёртвы, если они погребены в сердцах живых». - 如果能快乐的归去,死亡就不能杀人,反而是人杀掉了死亡。——【现代】林清玄《境明,千里皆明》— «Если человек может умереть счастливо, человек преодолевает смерть». - 死亡不是失去生命,而是走出时间。——【现代】余华《活着》— «Смерть - это не потеря жизни, а выход из царства времени». - 死

亡是一枚沉重而干净的果实,我们吃下去,医治太多活着的病症。-【现代】余秀华《我们爱过又忘记》- «Смерть – тяжелый и чистый плод, который мы едим, чтобы исцелить слишком много недугов жизни» и т.д. Целевая составляющая по факту достигнута; в заключительном блоке отмечено, что «концепт-диада «Жизнь-Смерть» занимает в китайской языковой картине мира особое место. Это концепт-аксиологема, расположенный на высшем уровне ценностной шкалы. Семантическое поле концепта многообразно; в его ядре расположен человек в системе взаимоотношений с Высшим («Небо») и интрасоциальным («Общество»). Жизнь человека представляет собой великий срединный путь (дао), подчиненный закону гармоничного продвижения вперед. Отклоняться от этого пути нецелесообразно; его назначение – воспитание в себе черт и характеристик «благородного мужа», который руководствуется принципами гуманности, почтительности, готовности к бесконечному познанию. «Благородный муж» - эталон аксиологической системы китайской ЯКМ, как и «совершенный мудрец». Считаю, что работа может быть интересна широкой аудитории, даже неподготовленный, но заинтересованный читатель сможет получить информативный импульс. Рекомендую статью «Концептуальная пара «Жизнь» и «Смерть» в китайской языковой картине мира: экспланация значений прецедентных текстов для представителей русской лингвокультуры» к открытой публикации в журнале «Litera».